

Лицо И Ханя вспыхнуло.

— Н-Нет. Я в порядке. Ум... это... глаза устали ... вот. Я сделаю перерыв. Возьму попить, — пробормотал он, заикаясь. Сказав это, он бросил скомканный ком бумаги в мусорную корзину. Затем встал, показывая немного нервные и неестественные движения, и налил себе воды из стоявшего рядом кувшина.

ЦзинЮань уставился на адамово яблоко ИХаня, двигавшееся вверх-вниз, пока он глотал воду. Это напомнило ему ту ночь, когда его малыш тоже жаловался, что его измучила жажда и хочет пить. В конце концов, ИХань принял ликер за воду и.....

Стоп! Немедленно прекрати думать об этом ЦзинЮань! Если твой младший брат встанет, и это заметит ИХань, то твой образ в сознании ИХаня рухнет! Ты в его глазах больше не будешь прежним!

ЦзинЮань молча сделал несколько глубоких вдохов, постаравшись унять растущее в нем желание и очистить неправильные мысли. Только тогда он встал и подошел к ИХаню. Небрежно, как будто он не думал очень грязные мысли о нем, он вытер капли воды, осевшие на краях его рта.

Когда ИХань опустил глаза и положил руку на живот, ЦзинЮань мягко спросил:

— Голоден? Уже скоро приготовят обед. Сейчас не самое подходящее время для чего ни будь сытного, но почему бы не поесть фруктов? Я принесу.

Несколько смущенный и озадаченный, ИХань поспешно кивнул. Его глаза следили за ЦзинЮанем, вышедшим на кухню. Он чувствовал себя довольно тревожно. Каковы же у них сейчас отношения? Он был так счастлив от того, как ласково вел себя с ним ЦзинЮань, но он все еще его будущий шурин. Каждый раз, когда ЦзинЮань выказывал свою привязанность, ИХаню становилось стыдно. Он чувствовал себя будто любовница, у которой скандальный роман со своим шурином. Возможно, это все из-за глубоко укоренившейся веры, которую он имел в своей прошлой жизни, видимо, это влияет на его мысли. Не важно, как сильно его сестра и ЦзинЮань подчеркивали, что их помолвка была всего лишь фикция, из-за этого он продолжал чувствовать неловкость. Он ощущал себя вором. Это так сильно отличалось от решения, принятого им после перерождения. Такое развитие событий совершенно отличалось от его планов и предположений, что он дрожал при одной мысли обо всем этом.

С тарелкой крошечных кубиков мускатной дыни и персиков, ЦзинЮань толкнул дверь и вернулся в комнату. И хотя ИХань сразу постарался принять правильное выражение лица, и улыбнулся ЦзинЮаню, но тот все же заметил панику, мелькнувшую на его лице. Это заставило его сердце сильно сжаться от боли.

Ничего не сказав, ЦзинЮань приблизился к ИХаню и поставил тарелку на стол рядом с ним. Он наколот крошечной вилочкой кусочек мускатной(медовой) дыни и поднес ее к губам ИХаня.

— Тетя Чжан сказала, что эта медовая роса очень сладкая. Попробуй, — сказал ЦзинЮань с улыбкой.

Рот ИХаня взял кусочек мускатной дыни с вилочки, пока та продолжала находиться в руке ЦзинЮаня. Может быть, потому что эта мускатная дыня была дана ЦзинЮанем, ИХань чувствовал, что она намного слаще тех фруктов, которые он обычно пробовал. Он искренне кивнул, соглашаясь с утверждением, что она очень сладкая.

— Она такая сладкая. Ты тоже попробуй, — сказал он.

ЦзинЮань улыбнулся и использовал ту же вилочку, чтобы наколоть свой кусочек. Он даже слизнул сок, оставшийся на вилке после того, как проглотил фруктовый кубик.

— Чрезвычайно сладкий, — многозначительно сказал он.

При виде подобного соблазнительного поведения ЦзинЮаня, у ИХаня чуть дыхание не перехватило. Его глаза стали размером с блюдца. Он даже не знал, что сказать. К тарелке с нарезанными фруктами прилагались две вилочки. Почему ЦзинЮань воспользовался вилкой, с которой ел ИХань? Он даже облизал ее...

— Что такое? — спросил ЦзинЮань, глядя на ИХаня.

— Эта вилка ... Я, ум, я ... я только что ее использовал, — пробормотал ИХань.

— Я знаю, — ответил Му ЦзинЮань, тем же непостижимым тоном.

— Тогда тебе...

Внезапно ЦзинЮань прервал его своими словами, и наклонился, вплотную к нему приблизившись:

— Мы же возлюбленные. И почему же мы, как возлюбленные, не можем разделить вилку? Я тебе не нравлюсь? Разве я тебе отвратителен?

— В-возлюбленные... — пробормотал ИХань, с сильно бьющимся в груди сердцем.

— Конечно мы возлюбленные, — сказал ЦзинЮань со страдальческим видом. — Или ты хочешь отказаться от всего, и не брать на себя ответственность?